
А. М. СЕЛЕЗНЁВ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Энгельс, возражая против преувеличения роли внутренних источников развития науки, указывал на то, что если у человечества возникает какая-либо экономическая потребность в принципиально новых научных открытиях, то эта потребность будет двигать эти открытия во много раз быстрее, чем десятки университетов. К этому следует добавить, что, для того чтобы экономическая потребность могла обладать столь могучей «пробивной» силой, в самом экономическом механизме страны должны наличествовать достаточно мощные стимулы развития науки.

Критическая ситуация, в которой оказался Советский Союз к середине 1980-х гг., характеризовалась как раз тем, что его экономический механизм подобного рода мощными для развития науки стимулами не располагал.

Социалистический строй в экономической сфере советского общества утверждался после победы пролетарской революции на основе индустриализации и электрификации народного хозяйства¹. Вступление страны на рубеже 1940–60-х гг. в начальный этап научно-технической революции (НТР) позволило ускоренным темпом завершить построение индустриального фундамента советского общества.

¹ Надо сказать, что после победы пролетарской революции 1917 г. Советская Россия в системе мирохозяйственных, международных политических и культурных отношений выступала как особая, принципиально новая цивилизация, но с точки зрения всемирно-исторической перспективы всё-таки как высшая локальная цивилизация, хотя и генетически связанная с капиталистической цивилизацией, порожденная ею.

В то же время замедленный по сравнению с передовыми капиталистическими странами процесс развертывания НТР в стране в 1960–70-х гг. показал, что та форма экономических отношений, которая утвердилась на первых этапах социалистического строительства, не только не адекватна потребностям современных производительных сил, но и всё больше превращается в тормоз их развития.

В результате первого этапа НТР, как революции в производительных силах, три вида деятельности – научная, инженерно-техническая и производственная – слились в органическое единство, которое обозначается термином «наука-техника-производство». На нынешнем, втором этапе НТР, который характеризуется как информационная или компьютерная революция, органическая связь трех указанных видов деятельности укрепляется тем быстрее и прочнее, чем больше достижений имеет общество в области информатики и электроники, чем быстрее протекает процесс электронизации всех без исключения сфер производства, более того, всех сфер общественной жизни.

Наука породила информатику как научную дисциплину; ученые для дальнейшего развития науки нуждаются в технических средствах информатики, в повсеместной компьютеризации всех сфер своей деятельности. Компьютеризация позволяет существенно ограничить удельный вес «информационных шумов» в науке и заодно похоронить несостоятельное мнение об избытке наличной информации у ученых. Создание и быстрое совершенствование электронно-вычислительной техники, ее миниатюризация открыли неограниченные возможности электронной автоматизации самого научно-технического творчества. Выполняя громоздкие вычисления и расчеты, ЭВМ всё быстрее и в нарастающем объеме создают новую количественную информацию – основу научного и инженерно-технического творчества. Чем быстрее происходит компьютеризация научной деятельности, тем больше облегчается поиск и нахождение необходимой информации, тем значительно экономится необходимое рабочее время ученого, конструктора, инженера.

Компьютерная революция в научной деятельности может получить свое завершение лишь тогда, когда научные кадры, будь то академической, отраслевой, вузовской (в частности, университетской) науки будут в совершенстве владеть вычислительной техникой. Компьютерная революция в области инженерно-технической деятельности, в рационализаторстве и изобретательстве может быть завершена лишь в том случае, если инженеры-конструкторы, проектировщики, технологи сполна получают в свое распоряжение технические средства для осуществления опытно-конструкторских разработок. Гарантией успеха компьютерной революции в научной и инженерно-технической деятельности являются два условия: с одной стороны, обеспечение резкого подъема в развитии техникзнания, в частности, теории механизмов, а с другой – создание надежной промышленной базы для насыщения инженерно-конструкторской деятельности средствами технической информатики.

О полном завершении второго этапа НТР – информационной революции – можно будет говорить лишь тогда, когда будет полностью осуществлена компьютеризация третьего звена в системе «наука-техника-производство», а именно – производство. Вот здесь и обнаруживается, что если для сфер научной и инженерно-технической деятельности желательно, чтобы вычислительной техникой овладела известная часть выпускников средней школы, то сфера производства требует безусловного овладения информатикой всеми учащимися средней школы, причем начиная с первых классов.

Таким образом, научно-техническое творчество благодаря современной научно-технической революции как электронной, компьютерной и информационной революции поднимается на принципиально новую ступень по сравнению с эпохой индустриальной революции, механизации и электрификации сфер производства, транспорта и быта. Современная технологическая революция требует обеспечить простор научно-техническому творчеству как исходному импульсу всех революционных изменений в произво-

дительных силах. Но этот простор научно-техническому творчеству сами по себе производительные силы обеспечить не могут. Поскольку реализация нововведений, порождаемых в сфере научно-технического творчества, возможна только в экономической сфере, представляющей органическое единство собственно производства, распределения, обмена и потребления, то оказывается, что сами пределы простора для научно-технического творчества зависят от состояния экономической сферы, от того, насколько она восприимчива к достижениям в области научной и инженерно-технической деятельности. Степень восприимчивости к научно-техническим новациям, к научным открытиям и техническим изобретениям зависит от того, насколько сама эта сфера представляет простор для научно-экономического творчества, то есть для творчества в экономической науке и практически-экономической деятельности.

Советское общество в силу не столько объективных, сколько субъективных причин, перестроить свой экономический строй в соответствии с требованиями компьютерной революции своевременно не смогло. Начать осуществление давно назревшей перестройки пришлось поэтому в середине 1980-х гг., когда вследствие обострения противоречий между потребностями новых производительных сил и устаревшей формой социалистических экономических отношений в стране сложилась предкризисная ситуация.

При административно-командной системе социализма, создававшейся в соответствии со сталинской концепцией социализма, общественная собственность на средства производства выступает преимущественно в виде собственности государственной. Именно государство от имени общества осуществляет все основные экономические функции: устанавливает основные пропорции между подразделениями материального производства, отраслями народного хозяйства, отдельными предприятиями, регионами, накоплением и потреблением, планирует прирост национального дохода, темпы экономического роста и т. п. Кооперативная собственность при этой системе фактически является раз-

новидностью государственной. Принципом управления в этой системе является централизм: все производственные предприятия функционируют как составные части единого хозяйственного механизма. Само производство рассматривается как непосредственно общественное. В единый плановый народнохозяйственный механизм включаются и все научные, проектные и опытно-конструкторские учреждения. Нужды производственного и научно-технического распределения, обмена и потребления удовлетворяются учреждениями планового снабжения и сбыта. Товарно-денежные отношения и основанные на них хозрасчет и торговля не исключаются, но они в экономике играют второстепенную, вспомогательную роль.

Утверждая и на долгие годы закрепляя данную административно-командную систему социализма, исходили из того, что распределение по труду, а, следовательно, социальная справедливость, исключающая какую-либо форму эксплуатации, а также отношение к труду как к делу чести, а следовательно, высокая сознательность породят, с одной стороны, дух состязательности, соревнования, а с другой – дух коллективизма. Социалистическое соревнование и социалистический коллективизм явятся теми важнейшими стимулами творческой деятельности всех трудящихся, которые по своему общественному эффекту превзойдут стимулы капиталистической конкуренции и буржуазного индивидуализма. Мыслилось, что в условиях всеобъемлющего планирования народного хозяйства и высокой сознательности всех трудящихся будет достигнуто бескризисно-поступательное развитие всего общества, что, в свою очередь, обеспечит все необходимые гарантии для полного расцвета научного и инженерно-технического творчества. Считалось само собой разумеющимся, что в сфере научно-исследовательской и конструкторской деятельности господство материалистического мировоззрения снимает окончательно все препоны для бескорыстного поиска истины.

Исторический опыт социалистического строительства в СССР полностью опрокинул утопические представления, будто административно-хозяйственная система является

единственно возможной системой при социализме. Как показывают статистические данные, настоящей пропорциональности и планомерности не было достигнуто ни в одной пятилетке. Экономическая неэффективность этой системы подтверждается непрерывным ростом товарного дефицита и инфляции в течение многих десятилетий. Как это ни удивительно, эта система оказалась весьма удобной для распространения коррупции в органах государственного управления, для роста социальной дифференциации на основе так называемой «теневой экономики», возникновению которой эта система воспрепятствовать не смогла. Согласно научным представлениям, экономическая деятельность при социализме должна выступать как самодеятельность, творческие функции здесь не должны быть прерогативой только высшего эшелона хозяйственного управления. Между тем непосредственные производители материальных и духовных благ все более оказывались отчужденными от процесса управления производством. Словом, чем дольше продолжала существовать административно-хозяйственная система в советском обществе, тем очевиднее становилось, что она год за годом все меньше соответствует критериям прогрессивности и социалистичности.

Особенно сильно деформации социалистического строя, порождаемые загнивающей административно-хозяйственной системой, сказывались на науке и технике – ведущих сферах в системе «наука-техника-производство». Именно эти сферы особенно болезненно реагировали на тот факт, что экономический строй социализма в том виде, как он сложился в сталинские времена, стал превращаться в фактор торможения и стагнации развития производительных сил.

Анахронизм, неадекватность административно-командной системы управления требованиям общественного прогресса в 1960–70 гг. со всей наглядностью обнаружилось как раз на фоне бурного развития НТР в капиталистическом мире. При всех клятвенных заверениях советского руководства в понимании значения НТР для подъема советской экономики управляемая им административно-командная система оказалась не в состоянии утилизировать в

должной мере ее достижения. В то время как в США, Японии, Италии, Франции, ФРГ, Англии, Скандинавских и других развитых странах одна за другой проводились серьезные экономические реформы, обеспечивавшие переход от экстенсивного экономического развития к интенсивному и тем самым дававшие простор научно-техническому прогрессу, экономическому росту и улучшению материального благосостояния широких масс трудящихся, в Советском Союзе бюрократический хозяйственный аппарат по-прежнему, как и в годы индустриализации, держал курс на экстенсивное развитие, на торговлю с зарубежными странами преимущественно сырьевыми ресурсами. Социалистическая административно-командная система к переходу на интенсивный путь развития оказалась по самой своей природе неприспособленной потому, что признавала только один вид собственности – государственную. А это обстоятельство начисто закрывало возможность для быстрого экономического маневра в проведении структурной перестройки в соответствии с достижениями НТР.

Сложилась парадоксальная ситуация: капитализм по-прежнему, как и во времена Маркса и Энгельса, продолжал революционизировать материально-техническую базу, а для административно-командной системы социализма проблема своевременного внедрения нововведений в производство (предметов общественного и личного потребления) оказалась неразрешимой. Капиталистическая же цивилизация сумела, мобилизовав все свои резервы, своевременно, то есть точь-в-точь тогда, когда НТР потребовала структурных изменений в самой материально-технической базе общества, реформировать в нужном направлении свою социально-экономическую и политико-правовую систему и благодаря этому в экономическом соревновании с социалистической цивилизацией вырваться далеко вперед.

В период застоя предпочитали помалкивать о безотрадном положении, складывающемся в науке и технике как ведущих сферах в системе «наука-техника-производство». Гласность, как революционный фактор духовной жизни, дала возможность называть вещи своими именами. И то

первое, на что стали обращать внимание публицисты, и в этом им надо отдать должное, так это на вопиющие противоречия в экономическом функционировании науки и техники.

В. И. Ленин в свое время отмечал, что естественные и общественные науки периодически оплодотворяются взаимным током идей. И чем больше внимания обращают представители двух основных частей науки на достижения и проблемы друг друга, тем больше от этого выигрывает наука в целом. В последние десятилетия общественные науки во многом обогатились благодаря использованию общенаучных методов, зародившихся первоначально в рамках естествознания. К сожалению, вследствие догматизма, восторжествовавшего в советском обществоведении со сталинских времен, философы и экономисты не смогли в должной мере помочь естественным, техническим и другим негуманитарным наукам, а следовательно, их представителям осмыслить место научной и технической сфер в экономике в целом, роль научной и инженерно-технической интеллигенции как субъектов социалистических экономических отношений, осветить им экономическую природу научных, технических и технологических знаний. Установление такого сотрудничества между философией и экономическими науками, с одной стороны, и естественными и техническими, с другой, могло бы дать мощный толчок научно-техническому творчеству и явиться серьезным фактором ускорения научно-технического прогресса в России.

Одним из серьезных недостатков методологического характера как в социальной философии, так и в политической экономии социализма являлось фактическое игнорирование различия между двумя сторонами социалистической собственности и, соответственно, двух аспектов социалистического обобществления – юридического и экономического. В социально-философских, экономических, юридических и других исследованиях характер социалистической собственности раскрывался преимущественно в понятиях имущественного права, т. е. владения, использования, распоряжения. Экономические реализации социалистиче-

ской собственности на произведенный обществом продукт разрабатывались непростительно слабо. Соответственно своеобразное табу накладывалось на разработку проблемы субъектов социалистических отношений. Это табу оказалось возможным снять лишь с началом перестройки советской экономики.

Не углубляясь далеко в эту чрезвычайно важную тему, укажем, что обезличивание в экономическом строе социализма субъекта-собственника весьма отрицательно сказалось на научно-техническом творчестве. Научная и инженерно-техническая интеллигенция, отстраненные от реального воздействия на систему экономического управления, фактически оказались отстраненными от экономического творчества и как раз в то время, когда производительные силы настоятельно требовали объединения этих видов творчества.

Другим серьезным недостатком методологического характера являлось слабое внимание, а то и просто невнимание философов и политэкономов к проблемам товарно-денежных отношений при социализме. Забегая вперед, философы нередко желаемые черты отдаленного коммунистического будущего приписывали реальному состоянию социалистической экономики. В дискуссиях же экономистов по животрепещущим проблемам развития социалистической экономики философы практически не принимали участия. Не удивительно поэтому, что вне поля их зрения оказалось довольно широкое распространение в советской экономической литературе взглядов, которые принижали роль товарно-денежных отношений при социализме. Практическая реализация сложившейся в экономической науке концепции планового товарного производства привела к тому, что рост денежных доходов стал существенно обгонять размеры их товарного покрытия. В результате серьезно снизилась стимулирующая роль оплаты труда, возникли неудовлетворенные потребности, дефицит.

Среди философов и экономистов бытовала точка зрения, будто под демократическим централизмом в промышленном и сельскохозяйственном производстве следует по-

нимать систему «карточного» распределения ресурсов. Так понимаемый демократический централизм, естественно, губителен для научно-исследовательской и инженерно-изобретательской деятельности. Централизация, игнорирующая и специфические закономерности развития науки и пренебрегающая экономическими методами стимулирования ее развития, с неизбежностью приводит к существенному понижению научно-технического и производственного потенциала страны.

Третий философско-методологический и теоретико-экономический недостаток, непосредственно примыкая к предыдущим, касается категорий предприимчивости и риска. Ни одно научное открытие, ни одно изобретение невозможно осуществить, если ученый или инженер не обладают качеством предприимчивости, если для достижения поставленной цели не идут на определенный риск. Эти довольно тривиальные положения достаточно хорошо показаны в трудах по науковедению, в руководствах по научному и инженерно-техническому творчеству. В капиталистических странах, где господствуют рыночные отношения, считается само собой разумеющимся, что риск в научной и технической сферах, как и в сфере производственной, всегда сопряжен с экономическим риском. При административно-хозяйственной системе эти категории были изгнаны из экономического мышления, и это неизбежно отрицательно сказалось и на исследовании специфики предприимчивости и риска в научно-техническом творчестве.

Как ни ценны рассмотренные выше философско-методологические и политэкономические проблемы для понимания органического единства в современную эпоху научно-технического творчества с экономическим, тем не менее они носят общий характер. Их в равной мере можно рассмотреть применительно к любой сфере не только народного хозяйства, но и общественной жизни. Между тем каждая сфера, в данном случае научная и техническая сферы, может и должна быть специально рассмотрена под углом зрения экономической теории. Нельзя сказать, что в эпоху застоя не появлялось работ, посвященных экономике

научной деятельности и экономике инженерно-технической деятельности. Не только в структуре экономической науки, но и в рамках науковедения и техникзнания формировались соответствующие дисциплины. Но по-настоящему экономика как научная дисциплина, экономика науки и экономика инженерно-технической деятельности смогли получить простор для своего развития, когда началась перестройка экономического строя социализма.

Замена административно-командной системы управления планово-хозрасчетной предъявила небывало высокие требования к политэкономии как фундаментальной экономической науке. В ходе этой замены обнаружилось, что именно как фундаментальная наука она не может развиваться по восходящей линии, если не займется всерьез экономикой науки. Именно отсюда, из экономики науки, как отраслевой экономической науки, идут наиболее мощные импульсы для развития политэкономии как фундаментальной науки².

Наконец, в заключение необходимо остановиться на одном существенном, на наш взгляд, пробеле в социально-философском освещении одной важной стороны экономической сферы общественной жизни, а именно на недооценке первостепенной роли в общественной жизни экономической формы сознания. Долгое время представлялось, что в условиях социалистической системы хозяйствования для выработки у каждого труженика, в какой бы сфере народного хозяйства он не был занят, чувства хозяина на производстве, стремления к бережному, рачительному отношению к социалистической собственности вполне достаточно

² Невозможно обеспечить ускорение научно-технического прогресса без значительных ассигнований на науку и образование. Необоснованная экономия на науке, безразлично – академическая, вузовская или отраслевая это наука, а также на подготовке кадров для науки неизбежно ведет к снижению экономического потенциала в целом. Это, во-первых. А во-вторых, разносторонняя экономическая грамотность обязательна для любого работника научной и технической сфер. Сотрудник каждого НИИ должен хорошо представлять себе, во что обходится обществу работа его коллектива и какова отдача его коллектива, соответствуют ли затраты на его содержание подлинной, т. е. общественно-необходимой экономической ценности его научной продукции. Знание законов экономики науки является одним из важнейших факторов правильной организации научного труда.

трудового, идейно-политического и нравственного воспитания. Однако практика административно-командного управления показала, что перечисленных видов социалистического воспитания недостаточно для повсеместного формирования у всех трудящихся хозяйского отношения к делу, добросовестности и ответственности при выполнении своих производственных и служебных обязанностей, что эти виды воспитания необходимо дополнить экономическим воспитанием. Разработка же методов экономического воспитания предполагает глубокое социально-философское исследование экономической формы сознания и его ядра – экономического мышления.

Обращает на себя внимание тот факт, что в нашей философской литературе экономическое сознание и по сию пору, за редким исключением, не рассматривается в качестве особой формы общественного сознания. Такое «нефилософское» отношение к экономическому сознанию выглядит более чем странно. Анализ структуры общественного сознания по необходимости всегда начинается как раз с характеристики экономического сознания, а затем характеризуются все другие его составляющие: социальное, политическое, правовое, нравственное, эстетическое (художественное), философское, историческое, экологическое, демографическое, религиозное.

Конечно, длительное игнорирование в курсе социальной философии экономической формы общественного сознания имеет свои гносеологические корни. Это прежде всего догматическое отношение к текстам произведений К. Маркса. Как это не удивительно, главным аргументом для отрицания за экономическим сознанием статуса не только особой, но и ведущей формы общественного сознания является ссылка на то обстоятельство, что К. Маркс в Предисловии «К критике политической экономии» в перечне форм общественного сознания не называет экономическое сознание. Будто «К критике политической экономии», «Капитал», другие экономические труды Маркса не посвящены исключительно политэкономии как науке. Между тем в «Капитале» Маркс, можно сказать, скрупулезно исследует различ-

ные аспекты буржуазного экономического сознания, в частности, товарный фетишизм, как извращенное отражение в экономическом сознании буржуазии противоречий капиталистического производства. Справедливости ради, следует признать, что догматизм философов подкреплялся догматизмом политэкономов, внимание которых концентрировалось исключительно на теории и истории политэкономии, в другие же структурные элементы экономического сознания они предпочитали не заглядывать.

И все-таки упорное нежелание больших отрядов ученых-обществоведов заняться всесторонним исследованием экономического сознания в течение многих десятилетий объяснить только одними гносеологическими причинами нельзя. Для этого были достаточно серьезные социально-экономические причины и прежде всего утверждение с конца 1920-х гг. административно-командной системы управления, которой внутренне присущи отрицание экономических рычагов управления народным хозяйством и упование на всемогущество приказных и воспитательных средств воздействия на трудящихся, занятых исполнительским физическим и умственным трудом, а также ориентация на то, что товарно-денежные отношения в недалеком будущем отомрут, а с ними и такие понятия, как хозрасчет и прибыль, такие психологические установки, как предприимчивость и риск. В условиях административного (или государственного) социализма обращать внимание на экономическое сознание было ни к чему. Экономическая учеба никак не стыковывалась с экономическим воспитанием. Последнее сводилось к трудовому воспитанию, которое характеризовалось предельно расплывчато и неопределенно.

Появление в конце 1970-х и в начале 1980-х гг. ряда работ по экономическому сознанию, по экономическому воспитанию и экономической психологии³ свидетельствовало о возникновении кризисных явлений в советской экономической науке. Их выход в свет являлся одним из симптомов

³ См.: Фофанов В. П. Экономические отношения и экономическое сознание. Новосибирск, 1979; Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, организация, роль в социалистическом обществе. М., 1981.

предкризисной ситуации в стране, косвенным признанием экономической несостоятельности административно-командной системы управления, неискоренимыми пороками которой являлись расточительное отношение управленческих кадров к сырьевым, энергетическим и трудовым ресурсам, хронический дефицит товарной продукции, отношение трудящихся к общенародным средствам производства как собственности «ничейной».

Нельзя не обратить внимание на такую особенность развития экономического сознания самих политэкономов середины 1980-х гг., как широкое употребление в их трудах термина «экономическое мышление». Этот термин редко употреблялся в предшествующие десятилетия, как и термин «экономическое сознание». Но в середине 1980-х гг., когда в сознании как руководства партии и государства, так и широких масс трудящихся наметился существенный сдвиг от предпочтения административно-нажимных методов хозяйствования к экономическим, хозрасчетным, термин «новое экономическое мышление» в политэкономии социализма получил самое широкое распространение.

Поскольку термин «новое экономическое мышление» в статьях и монографиях экономистов стал широко использоваться в то время, когда социологи и социальные психологи начали столь же широко применять термины «экономическое сознание», «экономическое теоретическое сознание», «массовое экономическое сознание», «экономическая идеология» и «экономическая психология», «уровень социалистической экономической сознательности», «экономические настроения», «экономическое поведение» и ряд других, сложившаяся концептуальная ситуация не могла не озадачить. Особенное же «смущение» вызвало то обстоятельство, что характеристика нового экономического мышления у экономистов очень часто не сопровождалась сравнением со старым экономическим мышлением, а в программах социологических исследований в большинстве случаев не разъяснялось, относятся ли поставленные в анкете вопросы и, в особенности, полученные в результате проведенного анкетирования ответы, к экономическому

сознанию или экономическому мышлению. Складывалось впечатление, что эти терминологические тонкости мало интересуют и экономистов и социологов; многие из них рассматривают термины «экономическое сознание» и «экономическое мышление» тождественными и попытки различить их по содержанию очень часто воспринимаются как надуманная игра в дефиниции.

На наш взгляд, стремление четко развести по содержанию употребляемые понятия ничего схоластического в себе не содержит. Наоборот, различение близких по содержанию понятий является первейшей методологической задачей, без предварительного решения которой нельзя рассчитывать на желаемую достоверность результатов экономического или социологического исследования. В некотором роде понятия «экономическое сознание» и «экономическое мышление» тождественны, так как нет ни теоретического, ни обыденного сознания без мышления. Но как только мы начинаем говорить об эмоциональной стороне хозяйствования, о соотношении рационального и ценностного в экономической деятельности, о чувстве хозяина и т. п., так сразу же становится ясно, что эта тождественность имеет свои пределы. Далее, как только мы начинаем рассматривать новое экономическое мышление как ядро нового экономического сознания, сразу же возникает вопрос, о чем экономическом мышлении идет речь: экономистов-теоретиков, практических работников – хозяйственных, профсоюзных и других руководителей, или рядовых тружеников всех отраслей народного хозяйства?

В свете сказанного следует признать, что пренебрежительное отношение к разработке проблем экономической формы общественного сознания явилось одним из важных факторов замедления прогресса советской политэкономии, одним из идеологических компонентов механизма торможения, приведшего народное хозяйство к застою.

Признание же ведущей роли экономического сознания в структуре общественного сознания в целом, на наш взгляд, неизбежно окажет революционизирующее влияние на всю духовную часть экономической сферы общественной жизни.

ни как целого. Такое признание позволит существенно ускорить социально-экономическое развитие российского общества. Вполне понятно, что в силу зависимости от развития производительных сил, от скорости протекания в российском обществе технологического переворота экономическая перестройка займет относительно длительный промежуток времени.